

УДК 811.512.122+81.161.1

*Мадина Шарипова,
кандидат филологических наук,
и.о. доцента кафедры теоретической и прикладной лингвистики
Евразийского национального университета
им. Л.Н. Гумилева
(г. Астана, Казахстан)*

НЕКОТОРЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ТЮРКСКОГО СЛОВА-ПРОТОТИПА В КОГНИТИВНОЙ БАЗЕ ЯЗЫКА-РЕЦЕПТОРА (ДРЕВНЕРУССКИЙ ЯЗЫК)

У статті розглядаються питання запозичення тюркізмів військової тематики в давньоруській мові в діахронії. Також запозичення слів розглядається як природний і необхідний процес мовного розвитку. Автор звертає увагу на лексичне запозичення, яке збагачує мову і зазвичай анітрохи не шкодить її самобутності, оскільки при цьому зберігається основний, «свій» словник, а крім того, незмінним залишається властивий мові граматичний лад, не порушуються внутрішні закони мовного розвитку. У статті показано своєрідність мови, зумовлену двома факторами: походженням мови та взаємодією її з іншими мовами, тобто мовними контактами.

Ключові слова: запозичення, тюркізми, контакти мов, етнолінгвістика, лексико-семантичні перетворення.

В статье рассматриваются вопросы заимствования тюркизмов воинской тематики в древнерусском языке в диахронии. Так же заимствование слов рассматривается как естественный и необходимый процесс языкового развития. Автор обращает внимание на лексическое заимствование, которое обогащает язык и обычно несколько не вредит его самобытности, так как при этом сохраняется основной, «свой» словарь, а кроме того, неизменным остается присущий языку грамматический строй, не нарушаются внутренние законы языкового развития. В статье показано своеобразие языка, которое обусловлено двумя факторами: происхождением языка и взаимодействием его с другими языками, т. е. языковыми контактами.

Ключевые слова: заимствование, тюркизмы, контакты языков, этнолингвистика, лексико-семантические преобразования.

The article examines the borrowing Turkisms in the old Russian language diachronically, lexical and semantic transformations. Many foreign words having been borrowed with Russian language in the distant

past, penetrated into Russian so deeply, that their origin can be found only through etymological analysis.

Borrowing of new words is a natural and necessary process of language development. Lexical borrowing enriches language and usually does not harm its identity as persist basic, its treasury, and moreover, inherent language grammatical system remains the same and attributable language development laws are not violated. It is known that the language peculiarity is due to two factors: the origin of language and its interaction with other languages, i.e. linguistic contacts.

These two factors represent two opposing forces that shape dissimilarity one language to another. Language contact is the most significant event of language evolution, which has had the greatest impact at the language aspect. Different chronological limitations of language phenomena coexist on any levels, so understanding of language system, ignoring its evolution is impossible. The researchers note that the process of lexical and semantic transformations of borrowed words, its development in the host language, is a «diachronic problem as its development has been passing through the time».

Key words: *borrowing, Türkizms, contact languages, ethnolinguistics, lexical and semantic transformations.*

Тюркизмы играли важную роль в обогащении словарного состава русского языка, история появления которых «уходит корнями в далекую древность, когда предки современного русского и других славянских народов, проживавших в средней полосе территории нынешней России, в Поволжье и лесостепных районах, граничивших со степями Причерноморья, имели в разных формах связи с соседними племенами и народами» [2, с. 34]. История тюркизмов – названий видов оружия – наглядно демонстрирует взгляды древних тюрков на эту сторону жизни. Хотя лексическое значение слова индивидуально, однако в значениях отдельных слов обнаруживаются общие семантические элементы.

Интерес современного человека к прошлому, истокам культуры заставляет внимательно всмотреться в языковые единицы – трансляторы культуры. Актуальными становятся исследования, раскрывающие ментальность народа через язык, выявляющие целые комплексы культурных традиций, которые закреплены в языке, анализирующие проявление древних знаний, представлений в современном значении лексических и фразеологических единиц.

В связи с этим назрела необходимость лингвокультурологического, этнолингвистического изучения языковых единиц. Обращение к лексическим заимствованиям в диахронии перспективно, так как изучение лексических единиц в древности и их лексико-семантической эволюции позволит выявить особенности семантики и функционирования современных языковых единиц, тем самым дать ответы на те вопросы, на которые синхроническая лингвистика без помощи диахронической

ответить не сможет. «Система языка не может быть «свободной от истории», синхрония не может пренебречь диахронией, диахрония присутствует в синхронии» [1, с. 71].

В лингвистике XX века уделялось значительное внимание проблеме заимствованных слов в русском языке. Изучению заимствованных слов посвящено значительное число работ, начиная с исследований Р. Брандта, Н. Дмитриева, Ф. Корша, П. Мелиоранского, Ф. Буслаева, Е. Карского, Я. Грота, А. Соболевского, М. Сухомлинова и др., заканчивая современными казахстанскими и зарубежными исследованиями (работы И. Асфандиярова, Н. Баскакова, Н. Гайнуллиной, В. Демьянова, Л. Ефремова, Л. Крысина, Х. Махмудова, К. Менгеса, Н. Мещерского, Н. Потемкиной, Г. Романовой, К. Смолиной, Г. Сороколетова, Ю. Сорокина, Г. Судакова, Г. Тимофеевой, Р. Юналеевой и др.).

Изучению заимствований в истории русского языка посвящено немало работ. При этом обращают на себя внимание два факта. Во-первых, неравномерность в освещении заимствованной лексики по разным периодам истории русского языка, предпочтение периоду, которому сами общественно-политические условия создали приоритетные позиции для иноязычных языковых влияний на русский язык (петровское и послепетровское время). Во-вторых, преимущественное внимание к данной стороне процесса адаптации иноязычной лексики, а именно – лексико-семантической, при оставлении на втором плане иных сторон комплексного процесса адаптации: фонетических трансформаций, морфологии как словоизменения, словообразования, синтаксических воздействий, как правило, без определения внутренних закономерностей взаимосвязи и взаимозависимости между структурными элементами разных языковых ярусов, проявляющейся, как в фокусе, в разнонаправленности процессов адаптации иноязычного слова в русском языке.

Процессы вхождения заимствованного слова в принимающий язык, в частности, место заимствованных слов в составе лексики принимающего языка, их поведение, оформление, степень приспособления к системе языка давно привлекают с разных сторон внимание лингвистов и др. исследователей. Изучение заимствованных слов в диахроническом аспекте способно пролить свет на сущность лексических процессов языков, непосредственные контакты с которыми привели к заимствованию тех или иных языковых элементов.

Историко-этимологические показатели существенны по отношению к иноязычному слову, для определения языкового источника и времени вхождения его. Лексико-семантические признаки характеризуют по существу заимствованное слово, т. е. в той или иной степени освоенное, для которого материалы хронологико-генетической принадлежности являются лишь отправной точкой, началом его лексико-семантической истории в языке-рецепторе.

Цель статьи – исследование некоторых тюркизмов воинской тематики с учетом комплекса историко-этимологических, этнолингвистических,

лексико-семантических факторов; рассмотрение процесса освоения заимствованной лексики (некоторые тюркизмы воинской тематики) при переходе из чужого языка в язык-рецептор.

Вхождение культуры в третье тысячелетие характеризуется не только процессами интеграционного характера, но и сохранением самобытности и специфики культуры народа как необходимой самооценности для существования человеческого общества. Соотношение «язык – культура – этнос» является проблемой лингвокультурологии, изучающей взаимодействие материальной, духовной культуры и языка.

Интерес современного человека к прошлому, истокам культуры заставляет внимательно всмотреться в языковые единицы – трансляторы культуры.

Существующие лексикографические и лексикологические сведения о тюркизмах не могут полностью удовлетворить в силу того, что они более или менее обстоятельно определяют язык-источник и хронологию вхождения и в лучшем случае классифицируют по тематическим группам и отмечают признаки фонетико-морфологической и семантической освоенности тюркских по происхождению лексем в то время, как важным представляется не столько констатация языкового источника и хронологического среза иноязычного слова, сколько выявление способа проникновения, сферы и характера функционирования, системной лексико-семантической взаимосвязи их с общим словарным составом русского языка.

В момент вхождения иноязычное слово в известной степени механически переносится в язык-рецептор и лишь в процессе освоения, подстраиваясь к фонетико-морфологическим и семантическим нормам последнего, изменяет свою звуковую оболочку и смысловый объем. Это, наряду с другими показателями, и дает право считать лексему заимствованной. Отсюда «заимствованное слово» (или «заимствование») – определение слова с точки зрения этимологической, его генетической диахронии; с точки зрения же синхронии – это по существу «обычное» слово, приравненное к исконному, поскольку они характеризуются одинаковыми парадигматическими и синтагматическими свойствами. Убедительным подтверждением этого является тот факт, что, помимо подключения заимствований на разных правах с исконными словами в фонетико-морфологическую систему, они вписываются в лексико-семантическую организованность языка, выступая готовой звуковой оболочкой определенного значения для образования новых сем.

Типы лексико-семантических преобразований тюркизмов воинской тематики в древнерусском языке включают следующие группы:

1. Первую группу тюркских слов представляют слова, семантическая структура которых в древнерусском языке претерпела изменения – произошло сужение их значений.

Слово *орда* в русском языке известно, по крайней мере, с XIII в. со значением «средневековое монголо-татарское государство»; с XV в. оно имеет значение «стан, кочевье», «полчище» «войско» [11, с. 705–706].

В русский язык оно пришло из тюркских языков, где употребляется в разных вариантах, с неодинаковым значением.

Ср.: (в форме на *-a*): каракалп. *орда* – «ханская ставка», «юрта знатного человека»; казах. *орда* «ханская ставка», «центр», «очаг»; узбек. *урда* – «ханский гарем» (но *Олтин Урда* – «Золотая Орда»); каз.-татар. *урда* ист. «орда»;

(в форме на *-o*): кирг. *ордо* «ханская ставка», «ханск. дворец», «богатая юрта»;

(в форме на *-y*): турец. *ordu* «войско, армия»; азерб. *ordu* – тж.; якут. *орду* «становище, пристанище».

В тюркских языках оно употреблялось в таких значениях: чагат., азерб., татар., казах. *орда* «дворец, шатер султана, хана», «ханская ставка; «центр»; турец. *ordu* «военный лагерь», «войско, армия»; узбек. *орда* «ханский гарем»; киргиз. *ордо* «ханская ставка», «ханский дворец», «богатая юрта», каракалп. *орда* «ханская ставка, юрта знатного человека», якут. *орда* «становище, пристанище» [17, с. 603].

Таким образом, слово *орда* в тюркских языках имело значения: 1. дворец, шатер султана, хана; 2. ханская ставка; 3. центр; 4. военный лагерь; 5. войско, армия; 6. ханский гарем; 7. богатая юрта, юрта знатного человека.

В древнерусском языке утвердились следующие значения: 1. ставка хана; 2. столица, центр, государство кочевников; 3. название крупных тюркских и монгольских феодальных государств и союзов кочевых племен, прежде всего, Золотоордынского государства (XIII–XV вв.): *Батыя царя Большие орды; А добра ти намъ хотѣти во всемъ в Орды и на Руси* [12, с. 64]; *Золотая орда* – Сарай (столица Золотоордынского государства): *Тот шед взя грады болгарския, по Волге стояше, Казань, и Болгары, Жюкотин, Керемчюк и Златую Орду новоева; Бѣлогородская орда* – «ставка кочевников в районе Белгорода Днестровского»: *Онъ, везирь, повезъ его, Матюшку, въ Крымъ, и не доходя де Крыма, сталь въ Бѣлогородской орды*; 4. военно-племенная организация у кочевников; племя кочевников: *Царь послал за нами всю свою орду; В приходъ воинскихъ людей крымской ханъ с ордами... русскихъ людей, вполонъ взяли*; 5. воинство; воинственный народ, племя: *Яганъ третей и зъ божиего вельнья на Свейскомъ королевствѣ посадили и полюбили его свейские орды владѣти тѣмъ королевствомъ; Станут вась казаков называтъ все орды бусурманские и еллинские и персидские святорусскими богатырями* [12, с. 64–65].

В древнерусском языке слово *орда* утратило значения: «ханский гарем», «богатая юрта, юрта знатного человека», очевидно, в связи с тем, что эти реалии были характерны для тюркского быта. В современном русском языке добавилось переносное значение «толпа, скопище, банда» [9, с. 459].

2. Группа тюркизмов, в семантической структуре которых при функционировании в древнерусском языке появились новые семантические компоненты: произошло расширение их значений. Расширение значений тюркизмов шло различными путями.

А) Тюркизмы, адаптуясь к лексической системе древнерусского языка, приобретали новые значения и обогащали свою семантическую структуру.

Напр., в слове *аргамакъ* «рослая и дорогая азиатская лошадь» → *аргамакъ* «благородный конь» добавилась сема «благородный».

Слово *кошь* в древнерусском языке имело два значения: «лагерь, обоз» и «временная стоянка охотника». Исконные значения слова *кошь*: «казачий лагерь, стоянка кочевников»; «шалаш, пастушеский стан». В-первых, оно приобрело новые семы 'летний', 'временный'; во-вторых, сема 'принадлежащий охотникам' заменила сему 'принадлежащий кочевникам, пастухам'. Произошло не только расширение семантики слова, но и его осложнение, обогащение. Позднее в русском языке оно приобрело другие значения: «обоз, стан»; «казачий лагерь», «стоянка кочевников»; «шалаш», «пастушеский стан»; «жилище кочевника», «кибитка», «палатка»; «летний временный стан» и др. Большинство значений и употреблений слова *кошь*, как пишет Ф. Сороколетов, на русской почве является достоянием диалектов, и, надо полагать, развились они в позднее время, преимущественно в районах, граничащих с тюркоязычным населением [13, с. 197–198].

У слова *ура* тоже произошло расширение значения: в языке-источнике оно имело значение «племенной военный клич» (*уранъ*), в русском языке произошли его семантические изменения: оно обозначало не только «боевой клич войск при атаке», но и «крик восторженного одобрения и приветия, общего поощрения (при встрече князя, государя, полководца)».

Б) У тюркизмов развивалось новое значение на основе метафорического переноса, приобретения словом различных оттенков оценки (иронического, уничижительного, пренебрежительного, одобрительного и др.):

битюгъ «крепкий ломовой конь» → *битюг этакий* «о рослом сильном человеке»; второй план в семантике – «подобный битюгу»;

аргамакъ «рослая и дорогая азиатская лошадь» → *аргамакъ*, *аргамачиха* «высокий и худощавый, неуклюжий человек» (подобны *аргамаку*, «узкогруды, поджары») [4, с. 21];

болобанъ / *балабанъ* «жеребец» → *болобанъ* / *балабанъ* «балбесъ, болванъ, неотесанный, глупый человекъ; если взрослый дурит, ребячится» [4, с. 41];

бахмать / *бахметъ* «малорослая, крѣпкая лошаденка; пони, клячонка» [4, с. 56] → *бахмать* / *бахметъ* «мохнатый, косматый; неуклюжий, неповоротливый человек» [4, с. 56].

Семантические производные возникли на основе переноса наименования по сходству внешности лошади и человека, в результате семантическая структура тюркизмов обогатилась переносными значениями.

Если при метафорическом переносе предмет сравнения не называется, то при сравнении он называется, напр., в словосочетаниях *арбой поеть*, *скрыпить как арба* употребляется слово *арба* как объект сравнения, как считает В.И. Даль, так говорят, потому что «народы эти (турец., татар.) никогда не смазывают осей, говоря: «не воры ѣдут, таитья нечего» [4, с. 21].

Высокую степень освоенности имеет слово *лошадь* в древнерусском языке, об этом и свидетельствует функционирование его в сравнительных сочетаниях *бегать (ходить) как лошадь* (разг. неодобр.); *ржать (гоготать) как лошадь*, *зубы как у лошади*, *работать как лошадь* (разг.), *ну и лошадь эта баба* (разг. неодобр.) в которых реализуются его вторичные значения: «шумно, тяжело, ступая ногами», «громко и грубо», «крупные», «много и тяжело», «о крупной нескладной женщине».

Интерес представляет слово *басурманъ*, которое имеет следующую семантическую историю: «мусульманин» → «неверный, нехристианин» → «всякий иноземец и иноверец» («въ неприязненном значении, особ. азиатцев и турокъ») [9, с. 52]; «нехристь – жестокий, безбожный человек» [4, с. 132; 8, с. 41].

О высокой степени освоения этого слова древнерусским языком говорят и его производные: *басурманка*, *басурманщина*, *басурманский*, *басурманство*, *басурманить*, *басурманиться* (т. е. обращаться) «въ мусульманство, въ невѣрие; приучать къ обычаямъ иноземнымъ – принимать вѣру или обычаи басурманские. *Наши бары за моремъ басурманяться, а домой воротятся, свое и нелюбо*» [4, с. 52].

А. Доза считал, что словообразовательная активность заимствованного слова (наряду с возможностью для него употребляться в переносном значении) свидетельствует о том, что оно окончательно получило право гражданства в языке [5, с. 138].

Тюркизмы стали базой для образования новых слов в древнерусском языке, к тому же эти производные обросли определенными коннотациями:

кюякъ → *кюячишко* (уменьш.-уничиж., *кюячишка тунгускихъ*) [12, с. 154];

арканъ → *сѣарканить* («поймать арканом, стащить») → *сѣарканить* («украсть, стащить») («*Кто у меня сѣарканилъ рукавицы? = стащилъ, унесъ*» [4, с. 22–23]);

тебенец («лопасть седла») → *подтебенникъ* («казачий удар пятками коня подъ тебенки, подъ брюхо: *дать подтебенника*») [4, с. 22–23]; *по тебенецъ* («въ рукопашную»): *Встрѣтиша царя Аслама на Окъ рѣкъ, а съ нимъ воя многи, и бишася съ нимъ по тебенецъ* [14, с. 944];

каурыи («рыжий впрожелтъ») → *кауриться* («морщиться, быть угрюмым, глядеть исподлобья»);

лошадь → (уменьш.-уничиж.) *лошаденка*, *лошаденко*, *лошаденце*, *лошадинка*, *лошадишко*, ср. в древнерусских памятниках письменности:

И у насъ, государь, у сирот твоихъ, въ подводахъ людишка и лошаденка помирають;

Списокъ съ росписи Лункинымъ животомъ... клѣтченка, лошеденка, коровенко, быкъ лонской, телѣженка двоеколесная;

У Посника Иванова лошаденко;

Дать вкладомъ Козьма... овса 37 мѣръ, да лошаденко, 2 коровы, да бычка;

Литовские люди, лошаденца монастырские вѣсъ побрали;

А своихъ, государь дворишков у многихъ нету, не токмо, государь, что лошадинок;

Лошедишка достальныя всть поймалъ;

Продано биричевцу Трентию Пурдеги лошадишко старое, взято рубль [6, с. 288].

В) У тюркских слов на древнерусской почве развивалось новое значение на основе метонимического переноса.

Слово *набатъ* на древнерусской почве претерпело семантические изменения – метонимический перенос: *набатъ* «барабан» («огромной величины мѣдный барабанъ») > «бой в барабан для сбора в случае опасности» > «сигнал тревоги», отсюда: *бити в набат*; *бити по набату*. Ср. в древнерусских памятниках письменности: *Князь же великій повелеть въ стану всемъ въ набаты бити, да соберутся людіе; Вельгъ битъ по набату и въ сурну играти* [14, с. 265].

Из тюркских языков заимствовано слово *башмакъ* в значениях «обувь» и «конские пути». Позже вместо слова *башмакъ* в значении «конские пути» стало использоваться слово *путы*, ср.: *Иной конь и въ путахъ уходитъ, лихой конь и пута рветъ* [4, с. 542–543]. В этом случае можно говорить о лексико-семантической архаизации этого значения слова *башмакъ*, которое сохранилось в русском языке в значении «обувь».

3. О глубокой освоенности тюркизмов свидетельствует и то, что русский язык стал посредником для их заимствования в европейские языки. Так, устаревшее слово *толмачъ* («устный переводчик») возникло от тюркского слова *тілмаш*, через русское посредство оно заимствуется в немецкий язык: *Dolmetscher* («устный переводчик»), ср. *Übersetzer* («письменный переводчик»).

Слово *чепракъ* «суконная, ковровая, меховая подстилка под седло» из русского языка заимствовано в немецкий язык: *Schabracke* «чепракъ», слово *палашъ* «прямой клинок» через русское и венгерское посредство (венг. *pallas*) заимствовано в немецкий: *Pallasch* [16, с. 191]; из русского в польский заимствован тюркизм *нагайка*: польск. *nagajka*, чеш. *nahajka* [16, с. 35; 8, с. 137].

Интересно, что тюркские слова (*caftan, araba, kilim, kibitka, barkhan, altyn* и др.) отмечаются в английском языке [3].

4. Тот факт, что тюркизмы «вросли» в русский язык, позволяет носителям языка соединять их со знакомыми, родными, словами, устанавливать порой несуществующие между ними связи, т. е. устанавливать ложную этимологию. Образно-метафорическое осмысление слова влечет за собой замещение в языковом сознании говорящих одного слова другим. Так, слово *дурманъ*, заимствованное из тюркских языков (ср. казах. *дарі* «лекарство», турец. *derman* «лекарство»), в русском языке получило более широкое значение «нечто одуряющее» и стало связываться со словами *дурной, одурять*.

Так, слово *лошакъ* в значении «полуконь, животное от осла и кобылы» соотносится со словами *лошак* и *ишак*.

Небезынтересной в этом отношении является подача тюркизмов в лексикографических источниках. Так, в Рукописном лексиконе первой половины XVIII в. многие из них представлены в качестве вокабулы,

не требующей каких-либо комментариев, ср. *аршинъ, барышь, бахрома, башмаки, вьюкъ, деньги, кирпичь, товаръ, толмачь* и т. п.. Более того, некоторые тюркизмы как вполне освоенные сами выступают в роли комментатора, толкующего значение того или иного слова: *клеть – амбар* кладовой, *кляча – лошадь*, *мантя – епанча*, *терем – чердак* и т. п. Степень освоенности ряда тюркизмов была столь основательной, что замена их западноевропейскими словами воспринималась как неоправданный прием.

5. Группа тюркизмов типа *телега, богатырь, товарь – товарищ, лошадь, казакъ* и др. особенная с точки зрения «вживания» в древнерусский язык. Они относятся к лингвокультурамам – лингвокультурологическим феноменам, которые представляют собой «сгустки национально-культурных смыслов», «ячейки культуры» [15, с. 45], изучение которых помогает выявить особенности мировосприятия народа, представить национальную картину мира.

Значит, приведенные тюркизмы стали настолько русскими, что не ощущается их «чуждость» ни в форме, ни в содержании, поскольку они обозначают предметы, понятия, культурно значимые для русского сознания.

Как мы знаем, что пуристические настроения, развернувшиеся со второй половины XVIII в., вели наступление против западноевропеизмов; «заимствования старого времени из древних языков пересмотру, как правило, не подвергались: они считались пришедшими в язык по необходимости и обогатившими его» [6, с. 171].

Д. Пригов писал в стихотворении «Куликово поле»:

...
Поляков на потом оставил
Французов на потом оставил
И немцев на потом оставил
...
А все ж татары поприятней
И имена их поприятней
И голоса их поприятней
Да и повадка поприятней
Хоть русские и поопрятней
А все ж татары поприятней [18].

Соседство народов, в данном случае Древней Руси и Великой Степи, хотя и не всегда было добрососедством, незаметно меняло не только внешность людей, но и язык, культуру. В результате два (и более) языка, не близкородственные или неродственные, становятся похожими, потому что связаны географической и общественно-исторической смежностью. Изменения, обусловленные языковыми контактами, есть в истории каждого языка. Не существует генетически «чистых», «беспримесных» языков, которые в течение тысячелетия развивались бы без всякого влияния окружающей языковой среды, в полной обособленности от соседей.

Если при восприятии экзотизмов носитель языка четко ощущает его «чуждость» и по звуковой форме, и по содержанию, то при восприятии тюркизмов, ставших знаками русской культуры, он считает их как нечто самоочевидное, само собой разумеющимся, поскольку это – «свое», «родное», которое не требует усилий для понимания.

Домашний скот всегда был одним из товаров, выступавших в роли денег у казахов и у других тюркских народов. Кстати, скот в собирательном значении в татарском, башкирском и казахском языках – *мал-туар, мал-тыуар, мал-тауар*. Слово *туар* – «скотина», «скот» известно в крымско-татарском; *табор* – «товар», «имущество» – уйгурском, алтайском; *товар* – «товар», «имущество», «домашние животные, преимущественно овцы» – в уйгурском, турецком, чагатайском (староузбекском); *табаар* (товар) – в якутском; *тавар* – «товар», «все, что продается и покупается» – в чувашском. В древнетюркском *tabar/tavar* употреблялось в значении «добро», «имущество», «богатство». Считается, что русское слово *товар*, украинское *товар* – «товар», «рогатый скот», болгарское *товар* – «груз», сербскохорватское *товар*, словенское *tovar*, польское *towar* было заимствовано из тюркского *тавар* – «имущество», «скот». От него происходит и русское слово *товарищ*.

Описанный материал еще раз подтверждает положение о том, что в каждом языке находят выражение те черты действительности, которые представляются существенными, значимыми для носителей языка-культуры, и что, овладевая языком и культурой, носитель языка-культуры начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его языком, и сживается с концептуализацией мира, свойственной его культуре. А значит, степень освоенности тюркизмов в русском языке свидетельствует о глубине «вхождения» предметов, ими обозначаемых, в сознание русского человека, о приобретении ими культурной ценности в русской лингвокультуре [10, с. 304–305].

Значит, при диалоге культур происходит обмен культурными ценностями. При этом основой диалога культур является отношение одной культуры к другой как к «равноправной, равноценной при всех ее отличиях и интересной, нужной, желанной именно в ее непохожести, в ее уникальности» [7, с. 213].

Подводя итоги рассмотрения проблем языковых контактов как условия заимствования, языка как отражения культуры, ментальности народа-носителя языка, отметим, что в основе заимствования лежат языковые и культурные контакты. Заимствование происходит в силу ряда внешних и внутренних причин. При вхождении иноязычного слова в другой язык происходит его приспособление в системе принимающего языка.

Литература

1. Алимпиева В. Семантическая значимость слова и структура ЛСГ / Алимпиева В. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1986. – 177 с.

2. Асфандияров И. Восточная лексика в русском языке / Асфандияров И. – Ташкент : Фан, 1991. – 247 с.
3. Бутина Р. К проблеме контактов языков (на материале тюркских лексических элементов в английском языке) : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Р. Бутина – Алматы, 1971. – 22 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка / Даль В. – М. : Русский язык, 1999. – Т. 1–4.
5. Доза А. История французского языка / Доза А. – М. : Издательство иностранной литературы, 1956. – 471 с.
6. История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX в. / [под ред. Ф. Филина]. – М. : Наука, 1981. – 376 с.
7. Каган М. Мир общения : Проблемы межсубъектных отношений / Каган М. – М. : Политиздат, 1988. – 315 с.
8. Мусатаева М. Идеографический словарь тюркизмов в русском языке / М. Мусатаева, Л. Шеляховская. – Алматы : PRINT-A, 2006. – 266 с.
9. Ожегов С. Толковый словарь русского языка : 8000 слов и фразеологических выражений / С. Ожегов, Н. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
10. Сабитова З. Тюркизмы как феномен евразийской культуры / З. Сабитова // Мир Евразии : история, современность, перспектива : труды V Международного Евразийского форума. – Астана, 2006. – С. 303–306.
11. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР, Институт русского языка / [гл. ред. Р. Аванесов]. – М. : Русский язык, 1988–1989. – Т. 1–10.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. / [гл. ред. С. Бархударов]. – М. : Наука, 1975. – 320 с.
13. Сороколетов Ф. История военной лексики в русском языке. XI–XVII вв. / Сороколетов Ф. – Л. : Наука, 1970. – 383 с.
14. Срезневский И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. / И. Срезневский. – СПб., 1893. – Т. I : А–К; 1895. – Т. II : Л–П; 1803. – Т. III : Р–W и дополнения А–IA (Репринтное издание. – М. : Книга, 1989).
15. Степанов Ю. Константы. Словарь русской культуры / Степанов Ю. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Издательство АСТ, 2003. – Т. 1–4.
17. Черных П. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Черных. – М. : Русский язык, 1999. – Т. 1–2.
18. lenta.ru/articles/2013/10/28/tatar/.

References

1. Alimpieva V. Semanticheskaja znachimost slova i struktura LSH / Alimpieva V. – L. : Izdatelstvo Leninhradskoho universiteta, 1986. – 177 с.
2. Asfandiiarov I. Vostochnaia leksika v russkom yazyke / Asfandiiarov I. – Tashkent : Fan, 1991. – 247 s.

3. Butyna R. К проблеме контактов языков (на материале тюркских лексических элементов в английском языке) : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. фил. наук : спets. 10.02.01 «Русский язык» / R. Butyna – Almaty, 1971. – 22 s.
4. Dal V. Tolkovyj slovar zhivogo velikoruskogo yazyka / Dal V. – M. : Russkij yazyk, 1999. – T. 1–4.
5. Doza A. Istorija frantsuzskogo yazyka / Doza A. – M. : Izdatelstvo inostrannoï literatury, 1956. – 471 s.
6. Istorija leksiki russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVII – nachala XIX v. / [pod red. F. Filina]. – M. : Nauka, 1981. – 376 s.
7. Kahan M. Mir obshcheniia : Problemy mezhsuĭektnykh otnoshenii / Kahan M. – M. : Politizdat, 1988. – 315 s.
8. Musataeva M. Ideograficheskii slovar tiurkizmov v russkom yazyke / M. Musataeva, L. Sheliakhovskaia. – Almaty : PRINT-A, 2006. – 266 s.
9. Ozhegov S. Tolkovyj slovar russkogo yazyka : 8000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii / S. Ozhegov, N. Shvedova. – M. : Azbukovnik, 1999. – 944 s.
10. Sabytova Z. Tiurkizmy kak fenomen evrazijskoi kultury / Z. Sabytova // Mir Evrazii : istoriia, sovremennost, perspektiva : trudy V Mezhdunarodnogo Evrazijskogo foruma. – Astana, 2006. – S. 303–306.
11. Slovar drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.) : v 10 t. / AN SSSR, Institut russkogo yazyka / [hl. red. R. Avanesov]. – M. : Russkij yazyk, 1988–1989. – T. 1–10.
12. Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. / [hl. red. S. Barkhudarov]. – M. : Nauka, 1975. – 320 s.
13. Sorokoletov F. Istorija voennoi leksiki v russkom yazyke. XI–XVII vv. / Sorokoletov F. – L. : Nauka, 1970. – 383 s.
14. Sreznevskii I. Slovar drevnerusskogo yazyka : v 3 t. / I. Sreznevskii. – SPb., 1893. – T. I : A–K; 1895. – T. II : L–P; 1803. – T. III : P–W i dopolneniia A–IA (Reprintnoe izdanie. – M. : Knyha, 1989).
15. Stepanov Iu. Konstanty. Slovar russkoi kultury / Stepanov Iu. – M. : Yazyki russkoi kultury, 1997. – 824 s.
16. Fasmer M. Etimologicheskii slovar russkogo yazyka : v 4 t. / Fasmer M. – M. : Izdatelstvo AST, 2003. – T. 1–4.
17. Chernykh P. Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennoho russkogo yazyka : v 2 t. / Chernykh P. – M. : Russkij yazyk, 1999. – T. 1–2.
18. lenta.ru/articles/2013/10/28/tatar/.

*Статья рекомендуется к печати
доктором филологических наук, профессором,
заведующим кафедрой теоретической и прикладной лингвистики
Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева
Журавлевой Евгенией Александровной*

Статья поступила в редакцию 2 ноября 2015 года